

СУД СОВРЕМЕННОКОВ

Год 399 до нашей эры, древние Афины, весна, восьмой месяц по афинскому календарю — анфестерион. Месяц праздников, распускающихся цветов (в честь первоцветов и само название — анфестерион) и опробования вина предыдущей жатвы. Торжественные маскарадные дионисийские шествия, театральные представления, ярмарки. Пробуждение от зимнего сна ознаменовывалось и другим традиционным ритуалом: снаряжением корабля на остров Делос, родину бога Аполлона. На Делос отправлялось священное посольство — феория, а старинное тридцативесельное судно ежегодно обновлялось и украшалось. Этот второй праздник станет важным моментом в жизненном эпилоге Сократа, отодвинув исполнение смертного приговора на целый месяц. Но это случится позже, пока приговор не вынесен, суд только предстоит.

Мы не знаем точного числа, когда было представлено обвинение, но поскольку в демократических Афинах ничто не могло происходить вне правил, установлений и традиций, то можно довольно точно воссоздать суть и последовательность событий. Об-

винителей было трое, главный — Мелет, обвинители (синегоры) — Ликон и Анит. О двух первых известно немного, зато лица характерные: Мелет — сочинитель трагедий, неудачливый стихотворец, никогда не удостоивавшийся победного венка на состязаниях драматургов, опасно обозленный молодой человек; Ликон — оратор или ритор (возможно, один из многочисленных в тот период демагогов) примерно того же калибра, что Мелет, так же алчущий славы и так же обделенный ею. Эти типы — вечные, их встретишь в интеллектуально-общественной сутолоке во все времена, хотя лучше с ними не сталкиваться. Но, наверное, никто в Афинах не сомневался, что оба они, Мелет и Ликон, нужны лишь для «затравки», для числа и шума, а подлинный инициатор обвинения — Анит. О нем сохранились документальные свидетельства, он вошел в историю, но не в ироническом контексте, а вполне серьезном.

Ксенофонт, ученик и преданный почитатель Сократа, упоминает имя Анита в своей «Греческой истории»; наверняка Ксенофонт не испытывал к Аниту теплых чувств, однако истина — прежде всего, и не сказать о роли Анита в освобождении Афин от власти «Тридцати тиранов» он не мог; было это совсем незадолго до суда, в 403 году.¹ Анит — не только влиятельная общественная фигура, он — богач, владелец кожевенных мастерских, а самое существенное, у него есть, как бы теперь сказали, определенная идейная позиция, он — «государственник», апостол демократии того типа, что установилась после диктатуры Тридцати. Обо всем этом нам

¹ Все даты, кроме оговоренных, — до нашей эры (до Рождества Христова).

еще придется говорить, пока же отметим, что именно противоборство Сократа и Анита, их подхода к жизни и индивидуальной свободе в условиях кризиса Афинского общества и развала Афинского морского союза, когда гражданам пришлось приспособливаться к новообретенной демократии *после крушения* — это противоборство явится лейтмотивом сократовского процесса.¹

Итак, в некий прекрасный весенний день месяца анфестериона на Агоре, в самом людном месте древних Афин, появился молодой человек по имени Мелет и вручил архонту-басилевсу восковую дощечку с обвинительным заявлением против Сократа; текст обвинения читатель найдет во всех почти последующих материалах — у Лаэрция, Платона, Ксенофонта; смысл: Сократ не чтит истинных богов, вводит собственных, развращает молодежь, наказание — смертная казнь. В Афинах не существовало института обвинения, в качестве обвинителя мог выступать любой полноправный афинянин; что касается архонта-басилевса, то именно он из девяти архонтов (высших государственных должностных лиц) ведал делами о религиозном нечестии, преступлениями против моральных устоев.² Жестокая игра начата была в соответствии с установленными правилами.

¹ Автор приносит извинения за неизбежные аллюзии с нынешней российской действительностью, увы, что есть — то есть. Впрочем, все великие сюжеты мировой истории какими-то сторонами соприкасаются с любым временем, потому они и великие.

² Всего архонтов выбиралось (по жребию) девять: архонт-эпоним (председатель), архонт-басилевс, архонт-полемарх и шесть архонтов-фесмофетов. По имени архон-

Дальше несущественный пробел. По закону архонт-басилевс должен был вызвать и ознакомить с обвинением Сократа; надо предположить — так и происходило, но письменных документов не осталось. Архонт-басилевс «принимал посетителей» в знаменитом Царском портике (он располагался на той же Агоре), перед ним находилась статуя Зевса и были выставлены своды законов, пересмотренные после свержения Тридцати тиранов. В обычные дни здесь любили прогуливаться, вести возвышенные беседы, философствовать; несомненно, часто бывал здесь и Сократ; на сей раз ему пришлось прийти, чтобы прочесть обвинение. Еще один незначительный пробел — мы не знаем через сколько дней, — но, по всей вероятности, скоро глашатаи или герольды объявляли о том, что состоится суд над Сократом, сыном Софроникса из дема Алопеки.¹

Косвенно читатель получит представление о том, как выглядело судебное заседание из «Апологии» Платона и отчасти Ксенофонта, но кое-что необходимо пояснить заранее. Также, как хотя бы коротко рассказать о системе древнегреческого, точнее, афинского, судопроизводства. Оно вырабаты-

та-эпонима назывался год, и 399 год был годом архонта Аристократа. На архонта-полемарха возлагались военные дела; коллегия фесмофетов занималась судебно-юридическими вопросами, поэтому некоторые исследователи считают, что Мелет мог обратиться с жалобой непосредственно к ним.

¹ Афинское государство делилось по сложным родовым и историко-топографическим признакам на филы (количеством десять), филы состояли из фратий, а самыми мелкими единицами были демы.

валось веками и к началу четвертого было по тем временам невиданно открытым, демократическим и... сложно-прихотливым. Сразу же добавим: сложно-прихотливым не из дурных намерений, а из попытки создать условия абсолютной беспристрастности; и так бывает. Впервые в истории судопроизводство в Афинах осуществлял суд присяжных, так называемая гелиэя, члены суда именовались гелиастами. Общее число гелиастов — 6000; этот состав формировался путем выборов (по жребию!) из всех десяти фил, по 500 от каждой, плюс 1000 запасных. В каждом конкретном заседании участвовало обычно 500 человек, точнее 501 для того, чтобы не случилось «патовой» ситуации при голосовании. Состав гелиастов, который будет слушать дело, определялся только в день суда опять же по жребию, что должно было предотвращать возможность подкупа и, как бы мы сказали, предварительной агитации. Гелиастом мог стать гражданин старше 30 лет — ничем не запятанный, а в случае, если таковое подозрение возникает, проводилась доки-мация — особая проверка с вопросами и свидетелями. Участники судебного заседания получали плату — 3 обола, сумма не бог весть какая, но для людей небогатых она являлась и подспорьем и манком. Даже по этому конспективному описанию видно, насколько тщательно, казалось бы, продумана форма судопроизводства; однако и тут уже можно заметить слабины. Ну, прежде всего, слишком расширенный состав (а иногда собирали и 1001, и 1501 гелиастов!), совершенно очевидно, что подсудимому придется оправдываться перед толпой или, если не обижать древних — большим собранием. Позже мы увидим, что это весьма опасная «деталь». Вторая

тонкость — из разряда тех, что определяются афоризмом «недостатки суть продолжение достоинств»: то, что присяжные выбирались перед самым процессом, затрудняло, как и предусматривалось, подкуп; вот только никто из этих, часто и в основном, простых людей не успевал подготовиться к процессу, изучить материалы, что ли. Обстоятельство, программирующее импровизационность, силу эмоциональных толчков и, конечно, значение слова, умения тронуть сердца, короче, столь прославленного в Греции, ораторского искусства.

Итак, глашатаи оповестили о предстоящем суде, и потек по узким улочкам древних Афин люд, тот, что составит многочисленную публику на этом процессе. Мы сказали «по узким улочкам» — так оно и было: южный город, бегущие вверх, извивающиеся дороги между домами, расположенными окнами во дворики (перистили). Впрочем, на Агору (Рыночная площадь — греч.) вели и широкие дороги, например, улица Процессий от порта Пирей, или Панафинейская улица, или улица Скульпторов, поднимающаяся от квартала ремесленников.

Точных доказательств того, что публики на процессе собралось множество, у нас нет, но подобное предположение обосновано: не было афиняна, который бы не знал Сократа, не было и такого, кто не знал бы Анита. Можно даже предположить, что суд стал своего рода сенсацией, будоражил население: второй по влиянию (после Фрасибула) человек полиса (города-государства) требует смерти прославленного мудреца, софиста, говоруна (как для кого); есть что послушать и на что поглазеть.

Чтобы завершить экспозицию, следует еще вообразить место суда. Опять же прямых указаний

нет, но в соответствии с традицией по разбирательству дел о религиозном нечестии заседание шло на площади Агоры под открытым небом.¹ Ограда, внутри ограды гелиасты-присяжные, обвинители, обвиняемый, ближайшие родственники и друзья, допуск последних каждый раз определялся председателем суда. А за оградой — толпище любопытных, экспансивно реагирующих на происходящее. Имя того, кто вел заседание, председательствовал — тоже неизвестно; в большинстве случаев эти функции возлагались² на одного из архонтов-фесмофетов, но бывали исключения.

О значимости, событийности суда над Сократом свидетельствует и то, что на него отвели полный день; мелкие, частные дела рассматривались последовательно, и набиралось их до четырех подряд. «Полный день» — это девять с половиной часов, время от восхода до захода солнца зимнего месяца посидеона (январь), по нему и нормировалась длительность важных заседаний. Само время определялось по клепсидам, водяным часам, так что за девять с половиной часов из клепсидр вытекало примерно тридцать литров воды. При этом ставились две клепсидры, истцу и ответчику «отводилось» равное количество воды, а когда секретарь суда зачитывал документы, «начальник воды» (избранный тоже по жребию) закрывал трубку клепсидр. ВСЁ,

¹ Так считает, например, Андре Боннар («Греческая цивилизация», 1961. Т. 2. С. 299). Хотя существовало особое здание Гелиэя (солнечный зал), где могли собираться 1501 или даже 2001 присяжных.

² Разумеется, не назначением, а «беспристрастной» жеребьевкой с помощью цветных бронзовых кубиков.

ВСЁ было предусмотрено, вот только с самим законодательством, законами, по которым привлекались к суду, обстояло неважно!

Аттическое законодательство в значительной мере опиралось не на конкретные статьи, которые определяли те или иные преступления, а на традиции, неписанные правила или прецеденты: «совершено то-то, за это прежде присудили к такому-то наказанию, следовательно, и на этот раз и т. д.» Разумеется, существовали и строго обозначенные преступления, например, убийство; но значительное число правонарушений (действительных или мнимых) отдавалось на волю присяжных, их юридической эрудиции, осведомленности, а стало быть, и настроению. Процесс над Сократом в этом отношении был показательным; даже и формально он принадлежал к так называемым «неоцененным» (неценным), когда даже в случае признания подсудимого виновным, он под конкретную статью не подпадает: все решится тайным голосованием с помощью «баллотировочных камешков»...

Подытожим, соберем приведенные сведения в общую картину. Подсудимый — один, обвинителей — трое, судей — пятьсот и еще один. Им и предстоит решить участь Сократа, и должны они ее решить по истине и по совести, о чем они поклялись в своей присяге:

«Я буду подавать голос сообразно законам и постановлениям афинского народа и Совета пятисот.¹ Когда закон будет безмолвствовать, я буду голосовать, следуя своей совести, без пристрастия и

¹ Высший государственный орган по всем вопросам управления.

без ненависти. Я буду подавать голос только по тем пунктам, которые составят предмет преследования. Я буду слушать истца и ответчика с одинаковой благосклонностью.

Я клянусь в этом Зевсом, Аполлоном и Деметрой. Если я сдержу мою клятву, пусть на мою долю выпадет много благ! Если я нарушу ее, пусть я погибну со всем своим родом» (клятва гелиастов).

Мы уже сказали, сократовский процесс относился к «неоцененным», потому отличался от «оцененных» (т. е. тех, в которых преступление и наказание сформулированы законодательством) не только способом разбирательства, но и построением, регламентом. Неоцененные процессы состояли из двух, что ли, актов: в первом обсуждался вопрос о виновности подсудимого, во втором — о мере наказания, если вердикт был обвинительным. Дважды проводилось голосование, дважды происходили прения сторон, то бишь Сократа и его обвинителей; в общем, афинские зрители в тот день присутствовали на «спектакле» полнометражном и, как выяснилось впоследствии, историческом. Об этом они, конечно, не подозревали.

Выше мы приводили конспект обвинения, и все же, если мы не попытаемся понять подтекст обвинений, содержание процесса останется загадочным. Поэтому сделаем необходимое отступление, тема его проста: почему дело вообще возникло, и именно в 399 году? Опять же отодвинем в тень Мелета и Ликона, раздраженных (а может быть, и платных) «неврастенических» мальчиков-крикунов; нас интересует Анит, недавний герой сопротивления олигархии Тридцати тиранов, один

из апостолов новой демократии. Зачем ему понадобилось возбудить процесс против семидесятилетнего старца, в политическую жизнь никогда активно не вступавшего? Во многих позднейших исследованиях вперед выдвигались мотивы личного свойства, например, непрерывное (и небезобидное) подтрунивание Сократа над Анитом; они, естественно, много раз встречались и до суда, — то перекидывались словечком-другим, то даже беседовали, впрочем, без симпатии.¹ Иногда акцентировалась другая версия, а именно то, что среди окружавших Сократа молодых людей крутился и сын Анита, чем мог вызвать недовольство и ревность отца. Оба предположения допустимы: и раздражение Анита сократовской иронией, в частности, над его профессией кожевника, и из-за сына, но не это основное. Более того, эти привходящие обстоятельства нам в историческом плане неинтересны; существенно столкновение идеологий: самоценности, независимости внутреннего мира человека-микроскопа от внешних обстоятельств (Сократ), и утверждение, что такой независимости быть не должно, что отдельная личность обязана не только уважать общественный строй, введенный им кодекс правил и обычаев, но и сообразовывать с ним свое мирозерцание, ну, на худой конец, поведение, видимость (Анит). Не будем оглуплять противников: Сократ прекрасно понимал, насколько сильно

¹ В этом отношении показателен фрагмент из платоновского диалога «Менон», где попытка Сократа «подключить» к диспуту о добродетели проходящего мимо Анита, наталкивается на откровенную враждебность; угрожая расправой, Анит уходит.

влияет внешнее на человека, но вся его философия как раз изыскивала возможность уменьшить такое влияние, уберечь себя в своих коренных убеждениях от непрерывно меняющихся веяний времени; конечно, и Анит сознавал и признавал различие в людях, да и право сохранять свое «я», но лишь в очень узких рамках, и уж никак не допускал возможность проповедовать независимость и самоценность личности, — чем его оппонент занимался всю жизнь. Тут и нащупывается скрытый смысл конфликта. Сократ с его идеями воспитания вне и даже вопреки окружающей действительности, вопреки общественно-массовым догмам оказывался чужаком при всех режимах в Афинском государстве: при автократии Перикла в 30-е годы V века (хотя то была эпоха расцвета); в период раздоров после ужасающей чумной эпидемии и смерти Перикла; наглый демагог Клеон вызывал у Сократа (да и у всех порядочных граждан) омерзение; олигархия «Четырехсот» (411 год) «держала» Сократа под подозрением; олигархия «Тридцати тиранов» попыталась было привлечь его на свою сторону, но, получив презрительный отпор, тоже готовилась к расправе (мы перечислили, разумеется, не все этапы тяжкого и несчастного для Афин тридцатилетия). И все-таки ни один из сменявших друг друга режимов Сократа впрямую не тронул; «тронула» демократия, объявившая себя традиционной, воскресившей исконные демократические ценности. Парадокс? Нелепость? Увы, трагическая закономерность.

Неуверенная в себе, экономически еле живая демократия Фрасибула-Анита заискивала перед населением, страшилась его и не в состоянии была

справиться с распадом общества. Раскованность превращалась в распущенность, народоправство в охлократию.¹ Греческая культура вытеснялась фригийско-фракийскими восточными культурами. Почти ежедневно по улицам Афин с оглушительным шумом шествовали процессии адептов фригийских богов Кибелы (Матери богов) и Сабазия (бога плодородия, вина и веселия); по ночам те же молодые люди устраивали сборища, доводя себя до экстатического безумия под оглушительную музыку флейт и барабанов (тогдашние рок-концерты!) Громогласно читались книги с таинственными фригийскими текстами, после чего неопиты произносили: «Я избежал греха, я обрел спасение», и начиналось повальное распутство.

Разумеется, участники сходок принадлежали, в основном, к афинскому городскому плебсу, однако ощущение непрочности, иллюзорности бытия, потерянности овладевало и афинской интеллигенцией:

Кто скажет нам, не смерть ли жизнь земная,
И смерти час — не жизни ли начало.

Художественно-гениальные строчки Еврипида² стали своего рода паролем времени, а сам драматург,

¹ Многие вопросы стали решаться не в соответствии с законами, а так называемыми «псефизмами», единичными постановлениями Народного собрания, возбужденной толпой. Ни о какой справедливости тут и речи быть не могло, и никто иной, а именно Сократ припечатал эту демократию определением — «перепившаяся»...

² «Полиид», утраченная трагедия. Приведенное изречение сохранилось в книге Диогена Лаэртца (IX, 73), у Секста Эмпирика («Три книги Пирроновых положений», III, 24), у других древних авторов.

немногими признаваемый при жизни, обретал славу классика. Воскресла и непрерывно повторялась философская «силла» Ксенофана (ок. 570 — 480):

И если б кто нам истину открыл, —
То истина иль нет, он знать не мог бы:
Догадка всё, что скажет человек.

Люди образованные, чураясь, конечно, массового восточного рабства, погружались в изучение «отеческого» таинственного пифагорейства с его высокими идеями переселения души. Казалось, в общественном плане ничто более не соединяет людей, все разделяет, все мимолетно, все пронизано тлением.

После тотального поражения Афин в Пелопонесской войне число свободных граждан уменьшилось почти вдвое; с потерей «вассальных» городов-полисов (при Перикле их насчитывалось до 200!) упала торговля, опустела казна, незваной гостьей пришла нищета. Государство оказалось на краю исчезновения.

В этих печальных обстоятельствах отцы возобновленной демократии, как правило, люди пожилые, хорошо помнившие дни процветания, заподозрили: не от Сократа ли идет порча? Не от его ли проповедей, не от его ли «лукавых» выпрашиваний, не от его ли философии, звучащей под небом Афин уже 30 с лишком лет? Не он ли, вечно окруженный юношами, в основном, детьми состоятельных и уважаемых людей, распространяет неверие? Вот истоки начавшегося против Сократа процесса в 399 году, зачинателем которого стал Анит (возможно, по дополнительным причинам субъективного характера, о чем мы говорили).

Следует сразу же сказать: Анит не «жаждал крови» согражданина, он был твердо убежден, что Сократ уйдет в добровольное изгнание (как сделал

философ Анаксагор в сходной ситуации в 433 году); да ничто и не вынуждало Сократа являться в судилище, ничто — кроме собственной воли и гордости.

...Теперь, совершив необходимый историко-психологический экскурс, вернемся (точнее, взберемся) на холм Агоры, на площадь перед зданием Гелиэи, и посмотрим, как развивались события. А развивались они необычно. Обвинение действовало по весьма обдуманному плану, стремясь все время держаться юридически испытанной дороги; подсудимый мало заботился о стройной системе опровержения, рассуждал то об одном, то о другом, том, что, несомненно, несло общечеловеческий смысл, но не конкретно-правовой. Следует сказать, что самих обвинительных выступлений Мелета, Ликона и Анита не сохранилось, сохранились апологии и сочинения, написанные учениками Сократа Платоном и Ксенофонтом и позднейшими авторами Диогеном Лаэртцем и Либанием; все они страстно оправдывали Сократа, но из оправданий легко угадывается и линия обвинения.

К тому же сохранились более или менее достоверные предания о ходе процесса; так, например, считается, что Мелет выступал неубедительно, а Ликон и Анит блеснули логикой и пафосом; это похоже на правду, потому что о речи Мелета Сократ говорит с особо брезгливым презрением. Предание так же передает, что выступление для Анита написал софист и логограф¹ Поликрат Афинский, это вполне

¹ Логографы — платные составители речей для участников процесса, каковые их разучивали наизусть; профессия логографа допускалась и даже поощрялась. Само слово «логограф» многозначно, — так назывались и ранние историки (до Геродота).

правдоподобно; для кожевника ораторское искусство было занятием непривычным.

Диоген Лаэртский сообщает, что знаменитый оратор Лисий, прирабатывавший и «логографией», составил оправдательную речь для Сократа (Диоген Лаэртский «Сократ», с. 231 наст. изд.); байка Диогена характерна для преданий о философе, его манере отвечать, держаться; но не более.

Рассмотрим теперь подробнее пункты обвинений, предъявленных философу, и его ответы на них.

Пункт № 1. Сократ не признает богов, почитаемых Городом и его гражданами, и вводит собственных. Обвинение серьезнейшее, собственно оно и составляет ядро инкриминируемого Сократу религиозного нечестия. В виде юридической статьи оно введено в 432 году неким гражданином Диопитом с целью бросить тень на Перикла, покровительствовавшего Анаксагору (Плутарх «Сравнительные жизнеописания», «Перикл» XXXII).

Прежде всего необходимо сказать, что мнение о тайном неверии Сократа имеет длинные, уходящие аж в двадцатилетнюю давность, корни — и соединено с именем великого комедиографа Аристофана. Двух прославленных греков связывала, увы, не дружба, а непримиримая вражда. В написанной и поставленной в 423 году комедии «Облака» Аристофан вывел одним из главных персонажей Сократа, иронически нарицая «мудрецом»; пересказывать очаровательно-смешную историю бессмысленно, но в ней содержатся и прямые выпады против философа, парящего в «гамаке на облаках». Есть в ней и прицельные обвинения в безбожии; вот диалог главного положительного героя старика-крестьянина Стрепсиада и коварного мудреца:

СОКРАТ. Так пойми же: богини они лишь одни (облака),
Остальное — нелепые бредни!

СТРЕПСИАД. Ну, а Зевс? Объясни, заклинаю Землей,
Нам не бог разве Зевс Олимпийский?

СОКРАТ. Что за Зевс? Перестань городить пустяки!
Зевса нет!

За одно это высказывание-проповедь Сократа (если бы он в самом деле проповедовал подобное) можно было притянуть в Гелию. Само собою, в комедии допустимо преувеличение, гипербола, карикатура, но, очевидно, зерно подозрения, посеянное 24 года назад, не погибло; это подтверждается и тем, что свои оправдания Сократ начинает именно с упоминания Аристофана и его комедии (Платон «Апология Сократа», с. 48). Колочие и злые инвективы Аристофана (в финале комедии Стрепсиад даже поджигает дом ненавистного мудреца!) несомненно стали как бы фундаментом обвинений в неверии.¹

Было бы бессмысленно и антиисторично выступать арбитром в споре Аристофана и Сократа; по образу мыслей, по социальной ориентации, наконец, по «жанру» своего творчества эти люди принадлежали к полярным группам. Аристофан — традиционалист, защитник старины, патриархального крестьянства; Сократ — мыслитель, стремящийся обновить

¹ Другой автор комедий, Евполид, тоже отгачивал свой грифель (металлический) на недружелюбном изображении Сократа: «Я ненавижу Сократа, этого нищего болтуна, который всего доискивается и только не заботится, что ему есть».

старые догмы, основать собственное учение, горожанин-интеллектуал (хотя и ходил всегда босым и в одном хитоне!) Оба они «правее», но каждый в своем понимании того, что полезно человеку и Городу. Любопытнее пофантазировать на предмет возможности присутствия Аристофана на суде: он мог быть и зрителем, и присяжным, и если он был присяжным, то какой «камешек»¹ опустил в бронзовую амфору — за осуждение или за оправдание?

Самой подходящей мишенью по первому пункту обвинения стал знаменитый «гений», «божественный голос», «демоний», «демон» Сократа. О нем, таинственном голосе, указующем верный путь, по видимому, сказано было больше всего слов; ему отводится немало мест в апологиях Платона и Ксенофонта, ему посвящен диалог Плутарха. В подлиннике сказано «*daimonion*», что буквально значит «божественное», но трактуется это понятие разными авторами по-разному. Ксенофонт в «Воспоминаниях», Плутарх и Диоген Лаэртский полагают, что это был некий дар пророчества, знаки из будущего, тогда как Платон настаивает, что демоний лишь отвращал Сократа от ложного, но никогда не побуждал к свершению чего-либо и не касался других людей и событий. Судя по некоторым сообщениям, все же то был дар предвидения; так, например, известно, что Сократ предупреждал о губительных последствиях морской военной экспедиции в Сицилию, которая и действительно закончилась в 413

¹ Традиционно-историческое название; на самом деле, это были медные круглые пластинки, одни просверленные, другие — цельные.

году величайшим поражением афинян в Пелопоннесской войне.

Анит и его «мальчики»¹ выстраивали такую схему: Сократ верит своему особому демонию, стало быть, не верит в общепризнанных богов. Схема ничем не подтверждалась, но внешне, на слух, звучала достаточно опасно и убедительно. А как защищался подсудимый? По Ксенофону — весьма твердо и даже резко («Апология», с. 93, 94), ссылался на давние и всем понятные верования греков в «знамения», что открывают волю богов (сны, приметы, голоса птиц и особенно предсказания Пифии в храме Аполлона в Дельфах). Демоний, дескать, тоже не более, чем знамение, открывающее волю богов, стало быть, слушаться его не предосудительно. Гораздо уязвимее выглядит ответ в «Апологии» Платона (с. 64), где Сократ пытается доказать, что демоны — так сказать, младшие боги и, веря в младших, нельзя не верить в «старших».

...зато как возвышенно и благородно звучит в платоновской «Апологии» упоминание о демонии в прощальной речи Сократа (с. 86), когда Голос свыше таинственным образом словно бы одобрил намерение старика идти в суд и принять смертный приговор!

Второй удобной «зацепкой» в пункте об отрицании Сократом богов стало его мнимое занятие физическими науками, под которыми тогда пони-

¹ Либаний в своей «Апологии» подтверждает уже высказанное мнение, что Мелет и Ликон — персонажи второстепенные: его речь-декламация построена как прямой конфликт Анита и Сократа; Мелет и Ликон почти не упоминаются.

малась теория устройства мира, космоса и материалистическое объяснение небесных явлений. В истоках — и тут опять можно обнаружить аристофановские «Облака». Когда-то зрители хохотали при остроумных комедийных эскападах героев Аристофана; но дети или младшие братья тех зрителей легко могли поверить, что в старых шутках есть доля правды, пуще того, что основаны они на неких забытых фактах.

Судьи не очень-то разбирались в философских школах и учениях, что, разумеется, нельзя поставить в упрек обычным, «нормальным» гражданам — ненормальным было то, что как раз по этим предметам они должны были высказать свое мнение. Возникали — при иных обстоятельствах потешные, а в данной ситуации трагические — путаницы: Сократу приписывались, например, идеи Анаксагора Клазоменского. Показателен в этом смысле диалог-спор между Сократом и Мелетом в «Апологии» Платона. Бездарный поэт лишь пересказывает «рыночную» сплетню, говоря: «...о, мужи-судьи, он утверждает, что Солнце (раскаленный) камень, а Луна — земля».¹ Именно за подобного рода суждения Анакса-

¹ Не хочется, чтобы читатель забыл об исторической дистанции между тем, что нынче — трюизм, а 2500 лет назад было смелым открытием. В этом контексте целесообразно добавить, что мы невольно судим о целостных системах греческих мыслителей по сохранившимся обрывкам-фразам. И Анаксагор, и Протагор, и многие-многие другие «обкрадены» временем и упрощены экзегетамитолкователями до примитивного афоризма, так что иногда до нас доходят лишь «черепки», как от разбитых древнегреческих сосудов.

гора в 434 году приговорили к смерти, замененной (по заступничеству Перикла) изгнанием.

Если обвинения, сгруппированные вокруг «личного» бога-даймония, основывались на невежественном переименовании все же существовавших высказываниях Сократа, то утверждения о каких-то тайных занятиях астрономией, космогонией (возникновением вселенной), природой в ее первоначалах, были прямой и злостной ложью. Суть учения Сократа как раз состояла в отказе от попыток сконструировать некую всеобъемлющую теорию мироздания; натурфилософские системы создавались великими предшественниками — Фалесом, Гераклитом, тем же Анаксагором; по ставшему расхожим выражению, Сократ опустил философию с небес на землю и поселил в сердцах людей. Его интересовал человек, его душа, сознание, нравственное самоусовершенствование. «Что пользы, если ты обретишь мир, но потеряешь душу?» — у Сократа этот бессмертный вопрос звучал бы несколько иначе: «Что пользы, если ты познаешь, как устроен мир, но не познаешь самого себя?» Такая формулировка соответствовала греческой цивилизации и всем памятной надписи на Дельфийском храме.

Конечно, выходя за рамки судебного процесса с его примитивными обвинениями в примитивном атеизме, нам хотелось бы больше узнать о внутренних верованиях Сократа, о его понимании божественного начала, связи Высшего с земной жизнью человека. Милый, обаятельный, завораживающий своим «люющимся» стилем Ксенофонт¹ в «Воспоминаниях...» в известной мере подравнивает учите-

¹ Недаром древние называли его «аттическая (или медоносная) пчела»!

ля под среднего афинского гражданина, дотошно исполнявшего все общепринятые религиозные обряды. Таким способом он защищает и очищает от клеветы память о невинно казненном («Воспоминания...» написаны через много лет после смерти Сократа). А как обстояло дело в действительности?

По апологиям мы не можем что-либо категорически сказать о верованиях Сократа; этому в той или иной мере посвящены последующие сочинения Платона, но и в них заложена неразрешимая загадка: что исходит от Учителя¹ и что — от великого ученика? Все же есть все основания говорить о вере Сократа в богов как в Высший Разум, управляющий миром и людьми. Познаваема ли воля богов? Да, — но не исследованием окружающего и внешнего, а изучением самого себя, только не в индуистской статичности, а в поступках, действиях, отношениях, в их соответствии законам Божественной Справедливости. Для конкретного человека она определяется тем, что Сократ называл устаревшим словом Добродетель.² На извечный вопрос о незаслуженном наказании праведника (ну, просто порядочного человека!) — библейская тема Иова — ответом было незнание нами

¹ Сам Сократ, однако, всегда возражал против этого звания-титла.

² Однажды известный в те времена физиогномист Зопир сказал, глядя на Сократа, что, как ему кажется, это человек с дурными природными наклонностями. Окружавшие Сократа друзья возмутились, но он хладнокровно подтвердил наблюдение Зопира, добавив, что таким, как его знают теперь, он сделал себя сам путем самоизучения и самовоспитания. Приведенный пример, что называется, был весьма наглядным...

конечных целей, существование некоей черты, заглянуть за которую нам не дано: можно и следует, однако, надеяться, что и за ней есть память и свет. Пожалуй, наиболее полно эти коренные идеи высказаны в диалоге «Федон», сюжет которого — предсмертная беседа Сократа. Там есть и поразительная по искренности мысль (Сократа, Платона, обоих?!): «Если бы смерть была полным уничтожением, то для людей злых было бы находкой освобождаться вместе с душою от своей порочности. Но так как душа бессмертна, то для нее нет другого спасения, как сделаться возможно лучшей и мудрой».

Пункт № 2. Сократ развращает молодых людей, юношество; разумеется, речь идет о моральном расстройстве. Как ни странно, отбиться от этого обвинения философу было труднее всего. Причин тут много, есть психологические, исторические и те, что можно отнести непосредственно к обстановке на процессе, назовем их — ситуационные.

Прежде всего, о психологических. Они связаны с определенными особенностями философских бесед Сократа и одновременно с восприятием их средними афинянами, стало быть, и большинством присяжных. Суть состояла в том, что способ вести беседы, чем всю жизнь занимался Сократ, был в известной степени унаследован им от софистов; он и сам в далеком прошлом входил в их круг. Софисты доказывали относительность любого положения, постулата, обычая, мнения и т. д., если говорить грубее, учили сводить на нет всякое общечеловеческое, политическое или житейское правило, установление, закон. Смысл всего учения Сократа, когда он вышел на самостоятельную дорогу философии, заключался в критике софизма, того, что можно назвать искус-

ством выворачивания истин; в стремлении обрести подлинные ценности, оправдывающие жизнь. Метод убеждения, применявшийся Сократом, принято называть диалектическим, в отличие от софистического, но поверхностному наблюдателю они казались схожими. Этот диалектический метод состоял в умении вести изоциренный спор с собеседником, умения загнать его в угол, исследуя то один вариант решения проблемы, то другой, иногда прибегая к ложным ходам, выдаваемым за истинные, и потому совершенно сбивающим противника с толку. При этом Сократ никогда не выводил спор-диспут к окончательному, непреложному результату, оставляя возможность каждому сделать последний выбор. Метод абсолютно верный для умных и образованных... и сомнительный для людей туповатых, случайных, усталых или просто не желающих вникать в тонкости. А слушатели-то были разные!

Причины исторические. Среди учеников Сократа находилось немало людей в высшей степени достойных, позже ставших полезными и честными гражданами, но не они вспоминались судьям. Жутковатыми свидетелями обвинения явились призраки трех сверхзнаменитых лиц, принесших Городу множество бед: Алкивиад, Критий и Харикл; все они когда-то тоже входили в число приверженцев философа. Особенно помнили (точнее, вздрагивали при имени!) Алкивиада. Человек знатнейшего рода, красавец, обладатель огромного наследства, чародей слова и прирожденный авантюрист — он в юности входил в самый тесный кружок слушателей Сократа, это подтверждает и то, например, что Алкивиад — один из главных персонажей позднейшего сочинения Платона «Пир». История славных и позорных

дел-деяний Алкивиада — отдельный трагический сюжет, подробно изложенный Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях». К моменту суда Алкивиада уже не было на свете (как и Крития), но для присяжных оба они были «живее всех живых» и, конечно, стояли неким укором Сократу.¹

Правомерно ли было вменять в вину Учителю, что из его «семинара» выходили не только полезные обществу ученики, но и разрушители? По закону и по здравому смыслу — нет, но чувства большого соборща судивших (внутри ограды) и рядивших (за оградой гелиэи) — спонтанны и от логики далеки.

Причины ситуационные. О них нет непосредственных данных, но их легко «вычислить». Среди окружавших или страстно сочувствующих Сократу — большинство составляли молодые люди, недавние эфебы² или те, кому еще не исполнилось 30, возраст официальной политической зрелости. Среди же гелиастов, несомненно, преобладали мужи за 40, за 50, и их не могли не раздражать «болельщики» подсудимого. В подтверждение нашей догадки сошлемся на выразительный эпизод из Диогена Лаэртца: «Во время суда... Платон взобрался на помост (нечто вроде трибуны или кафедры) и начал говорить: «Граждане афиняне, я — самый молодой из всех, кто сюда всходил...», но судьи закричали: «Долой! долой!». Современные комментаторы считают приведенный текст апокрифическим предани-

¹ Критий в 403 году возглавлял коллегию Тридцати тиранов, Харикл занимал вторую ступеньку, а по жестокости не уступал главе коллегии!

² Юноши 18—20 лет, проходившие своего рода стажировку на воинской службе.

ем, но апокрифы, как правило, не рождаются на пустом месте.

В представленных в нашей книге апологиях наветы в разращении юношества (и как следствие — в умалении авторитета родителей) опровергаются авторами примерно одними и теми же доводами: человек, ведущий праведную жизнь, преданный справедливому и достойному, не может дурно влиять на учеников. Платон говорит об этом с поименным перечислением тех, кто вышел из школы Сократа и кого можно аттестовать добрыми гражданами Афин (с. 74, 75); коротко и как бы мельком пишут об этом в своих апологиях Ксенофонт и Либаний. Об Алкивиаде, Критии и Харикле прямо в апологиях не говорится, их имена «колют» глаз и отягчают сердца. И только в своих «Воспоминаниях...» Ксенофонт — с временной дистанции — дает замечательно точный, подробный и глубокомысленный анализ проблемы, которую формулирует так: можно ли обвинять учителя в том, что иные из его учеников (расширяя — последователей, эпигонов) искажают учение, используют во зло или даже выворачивают наизнанку?! Тема всех эпох — до дня нынешнего! («Воспоминания», гл. 2). Оправдательная статья Ксенофонта подкупает не только проникновенностью и пониманием характеров одиозных персонажей, но и объективностью (см., например, тончайшее замечание, с. 112, 113). «Аттическая пчела» — вопреки банальному утверждению о его поверхностности — доказывает, что умел не только собирать душистую пыльцу с цветов, но и отыскивать зерна Высоких Истин.

Пункт № 3. Недостаточное уважение и даже критика Сократом великих поэтов Греции. Да не удивится и не посетует нынешний молодой читатель

на «дикость» нравов афинян — через 2400 лет — в тридцатые годы легко было получить «десятку» за отрицание литературного таланта в Горьком! ¹ Сократа — соблюдем справедливость — за третий пункт судить никто не собирался, он и не входил в текст формального обвинения; однако в контекст самого процесса вошел существенным «довеском».

Тут снова необходимо напомнить о положении и о настроении афинского общества в 399 году. После всех испытаний и поражений в конце пятого века единственным выходом казался возврат к «отеческим ценностям», в том числе к апостолам национальной культуры — Гомеру, Гесиоду, Феогниду, Эсхилу, Софоклу и другим. За что-то надо было «ухватиться», восстановить некие непререкаемые авторитеты, поколебленные в период откровенного декаданса. Укажем в этой связи на весьма важный аспект древнегреческого исконного мирозерцания: в нем органично соединялись религия и искусство. Как Еврейская цивилизация утверждала боговдохновенность пророков, так Греческая — боговдохновенность великих поэтов, ваятелей и художников. Философ и ритор I века нашей эры Дион Хризостом («Златоуст»), объясняя особенности веры соотечественников и предков, дал весьма четкую формулу: «...представления людей о божестве проистекают из трех источников: они врождены, восприняты от поэтов, закреплены законами. Четвер-

¹ Из приведенного сопоставления — не дай Бог — не следует делать вывод о репрессивности руководства демократов; репрессивным был режим Тридцати тиранов — за недолгий срок умертвивший 1500 граждан.

тым источником мы назовем искусство и художественное ремесло...»¹

Вот тут-то и таятся причины болезненного восприятия независимых, а, возможно, неожиданных суждений Сократа о поэтах, прежде всего, о Гомере и Гесиоде. Замечания в их адрес оценивались как замечания божествам, а это могло подпасть под статью — кощунство, что было весьма выгодно обвинителям.

В своей «Апологии» Платон рассказывает об испытующе-скептическом отношении Сократа к «исступленному» вдохновению поэтов, но речь идет о поэтах живых и здравствующих, а не о классиках (с. 54); Ксенофонт истолковывает высказывания учителя о Гомере и Гесиоде как сугубо положительные, чего судьбы, по его мнению, просто не поняли («Воспоминания...», гл. 2, с. 122—124), и только в «Апологии» Либания (с. 166—182) читатель найдет развернутый анализ отношения Сократа к поэтам, этому анализу можно доверять: в руках Либания были все исторические документы, и обвинительные, и защитительные.² Вчитываясь в текст речи знаменитого ритора, можно понять, что, конечно же, Сократ в своих беседах далеко не всегда одобрительно отзывался о тех или иных местах из поэм Гомера и Гесиода (как и о стихах Феогнида или Пиндара) не с точки зрения их поэтических достоинств, а исходя

¹ Дион Хризостом «Олимпийская речь», 44.

² Например, поминавшийся нами поликратовский памфлет против Сократа и оправдательная речь Лисия, которой Сократ не воспользовался. В IV веке нашей эры античные документы и книги еще были целы, уничтожение началось позже.

из здравого смысла, норм морали и собственных убеждений. Скальпель — не лучший инструмент исследования поэзии, но и преступления нет в попытке «поверить алгеброй гармонию»; особенно, если делать это достаточно умно и деликатно; такого рода утверждение Либанию было весьма дорого, он жил в эпоху позднего эллинизма, когда, в основном, и занимались комментированием древних авторов. Кроме того, судя по всему, Сократ подвергал испытанию на «здравый смысл» лишь отдельные строчки великих поэтов, доказывал, что нельзя их считать неким указанием, руководствоваться ими в своем поведении и взглядах.¹ В 399 году эта антидогматическая исследовательская позиция была, вероятно, актуальна.

Отрицание, намерение низвергнуть фундаментальные ценности культуры — противоречит всему строю сократовского этического учения; сдержанность, самоограничение, миролюбие никогда не уживаются с разрушительством и нигилизмом.² Уважение философа к религиозно-поэтическому наследию подтверждается неожиданно в самом конце

¹ См., например, «Апология Сократа ритора Либания», с. 180, 181. Тут явно проступают в рассуждениях Сократа христианские мотивы равенства перед моральными установлениями всех людей — вне зависимости от их родовитости и положения, что, конечно, противоречило миропониманию Гомера.

² Несомненно, чуждо Сократу было и желание ошеломить, эпатировать слушающих смелостью: вот, дескать, самого Гомера могу «лягнуть». Этим позже прославил себя Зоил, возглавив своеобразный список литературных геростратов, немалый и во всем мире, и у нас в России — в том числе и по отношению к Пушкину...

«Апологии» Платона; в ней, как мы писали, ничего не говорится о поэтах прошлого, но вот настала минута прощания после приговора, и Сократ спокойно рассуждает о переселении в мир иной (с. 87): чему огорчаться, спрашивает осужденный на смерть, «разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером!» Торжественные слова любви и признания звучат в момент, когда люди не дгут.

Пункт № 4. Сократ — враг демократии и дурной гражданин. Этого тоже впрямую не сказано в обвинении, но в разбирательство вошло и притом широко.

Атаку с этой стороны Сократу, казалось, отразить было нетрудно; его мужественное неприятие власти Тридцати тиранов не успело еще выветриться из памяти афинян — и судей, и зрителей. Чрезвычайно значимо, что именно по этому пункту обвинения философ отвечал непривычно для себя резко и категорично; гражданственность (слово, столь истертое нынче) — для греческого полиса было понятием высокого плана! Наиболее выразительно ответ философа звучит в «Апологии» Платона (с. 71—73), отчасти дополненный Либанием (с. 162—166).

Если продолжить документированную характеристику Сократа-гражданина (в нашей терминологии), то следует назвать его еще ветераном Пелопоннесской войны, участником трех крупных и кровавых сражений — под Потидеей, Амфиполем и Делием, где он — и это всем ведомо — вел себя стойко и отважно. Уже не первой молодости, 37—40-летний Сократ выступал в качестве гоплита, тяжеловооруженного пешего воина (самый уязвимый и физически тяжелый

род войск), и прославился выносливостью и хладнокровием. Когда под Потидеей афинское войско обратилось в бегство, Сократ не только сохранил спокойствие, но и вынес с поля боя раненого Алкивиада. (Крайне любопытно, что награду за мужество при этом присудили Алкивиаду, хотя сам он ходатайствовал за своего спасителя; вопрос «почему» решается просто: Алкивиад был лицом значительным, высокого рода, да еще племянником Перикла! Весы справедливости «подкручивались» извечно.)

Выиграл ли Сократ судебный спор по данной статье? Трудно сказать. По-видимому, Анит и компания выставляли на вид общественную пассивность старика (впрочем, и в молодые годы уклонявшегося от государственных должностей) и этим, возможно, набрали какое-то число очков; тем более, что сам Сократ всячески акцентировал свое нежелание заниматься политикой как таковой. Тут нелишне будет еще раз — но с «другого бока» — взглянуть на положение в Афинах в 399 году. Оно не характеризуется однозначной победой демократов; произошло условное примирение между Пирейской партией (демократы) и Городской (сторонники олигархии, аристократы); этот компромисс, закрепленный законом об амнистии, вернул Городу спокойствие, но на весьма непрочной основе. Внутреннее напряжение продолжало существовать, бывшие враги внимательно следили друг за другом — конечно, и в судебной палате, разбиравшей дело Сократа. Большинство в ней составляли Пирейцы, но были и приверженцы Городской партии. В этой обстановке твердое и даже несколько брезгливое уклонение философа от «партийности» (я — не аристократ и не демократ, я — Сократ), несомненно, раздражало обе

группы гелиастов, становилось одним из отягчающих обстоятельств.

Отягчающими обстоятельствами нам и пора теперь заняться, ибо они, как и то, о чем мы только что сказали, исходили от самого подсудимого, от его убеждений, от его мирозерцания. В начале мы вскользь упомянули о странности оправдательных выступлений Сократа; суть этой странности состояла в том, что он сам словно бы провоцировал решение не в свою пользу. Полнее всего, сюжетно нагляднее это можно проследить по «Апологии» Платона, последовательно прочтя все три выступления подсудимого: «После обвинительных речей», «После обвинительного приговора» и «После смертного приговора». Причем ощущение того, что сам Сократ сознательно идет навстречу смерти — нарастает. Никто никогда не узнает: принял ли старик роковое решение загодя или оно постепенно созревало по ходу процесса; во всяком случае, то не было безотчетным, как через тысячелетия обозначили в психоанализе — стремлением предаться Танатосу (олицетворение смерти — греч.); то было осознанное, аргументированное и открыто высказанное намерение. То было мужество человека, спокойно подытожившего свои дни и поставившего точку.

В речах Сократа не заметишь и взвинченности, мстительности или упрека;¹ пожалуй, один раз он сорвался — вероятно, уж очень противен был возбужденный и упоенный нежданно выпавшим сча-

¹ Прорывающиеся иногда надменно-презрительные интонации легко понять, вообразив картину судилища и реакции сборища...

ем обратить на себя внимание ничтожный стихоплет Мелет¹ (Платон, с. 62, 63). В то же время Сократ не пренебрегал формальным опровержением обвинений, выполняя свой долг до конца. Так и выстраивались его выступления — ответ по пункту обвинения и размышления о себе и мире, которые, наверняка, присяжным не могли нравиться: например, рассказ о том, как его друг Херефонт вопрошал Пифию, есть ли кто мудрее Сократа, и та сказала, что нет (Платон, с. 52; Диоген Лаэртский, с. 230) или рассказ о том, как он выпрашивал людей о цели и смысле их занятий (Платон, с. 54, 55), или о много раз поминавшемся нами своем Гении-Демоне. Но больше всего Сократ говорил о смерти; и если в первой речи говорил о смерти вообще, то во второй, словно уже был приговорен к ней, а в третьей — прощаясь с земным бытием.

Судебное заседание в Афинах — действие ритуальное (о чем мы говорили); спектакль, в котором существовали столь же обязательные структурные элементы, как, скажем, хор в аттической трагедии. Почти обязательным было слезное или хотя бы трогательное воззвание подсудимого к милосердию или присутствие детей и близких, молящих о пощаде. У Сократа было три сына, один взрослый — Лампрокл, и два малолетних — Софрониск и Менексен и жена Ксантиппа... «пресловутая», поскольку ее сварливость вошла в поговорку, видимо, уже при жизни мужа; никого из них на суде не было, Сократ

¹ Должно быть, и руками размахивал, и бил себя в грудь, и ерошил волосы, что запрещалось в старых Афинах и вошло в моду от демагога и супердемократа Клеона лет 25 назад...

запретил им являться.¹ Это было нарушением обычая, вызовом. Даже сам великий Перикл, демократический диктатор, не позволял себе пренебречь формой обращения к присяжным: когда в 432 году обвинили в нечестии его возлюбленную Аспазию, он «вымолил ей пощаду, очень много слез пролил за нее во время разбирательства дела...»² Сократ слез не проливал, его дети и жена ждали его дома. Насколько все это поражало и раздражало гелиастов (и зрителей), можно понять хотя бы по тому шуму, что они время от времени поднимали (Платон, с. 52, 68; Ксенофонт «Апология», с. 94). Обвинительный вердикт становился предрешенным.

Однако, к удивлению самого подсудимого, первое голосование оказалось для него не столь уж катастрофичным: Сократ был признан виновным 281 голосом против 220; это означало, что судьи колеблются. Для оправдания не хватало 31 голоса; заседатели явно давали Сократу шанс «отбиться» от смертного исхода.

Конечно, все твердо были уверены, что подсудимый во втором «акте драмы» исправится, станет вести себя в соответствии с принятыми правилами: слезы, жалостные увещания; но самое главное, предложит себе серьезное наказание. Дело в том, что по афинским законам подсудимый, признанный

¹ Весьма загадочным штрихом в биографии Сократа являются сведения о первой (или второй?) жене Мирто; скорее всего, Мирто была так называемой гражданской наложницей, что дозволялось законом — лишь бы обе женщины не жили под одной крышей...

² Плутарх. «Сравнительные жизнеописания», «Перикл», XXXII.

виновным первым голосованием, должен был противопоставить статье обвинения — свою собственную, после чего присяжные выбирали ту или другую (неизвестно, могли ли они назначить нечто «среднее», не приняв крайних оценок). Традиционно выгодным, верным приемом, чтобы смягчить сердца судей, считалось назначение подсудимым какой-то жестокой меры самому себе; жестокой, но такой, что — в силу разного рода юридических хитростей — может выполняться не до конца, оказаться спорной, когда страсти остынут...

Что же предложил себе в наказание Сократ? — «даровой обед в Пританее». То было прямым вызовом, иронией, насмешкой. В Пританее, круглом здании на Агоре (иначе называвшимся Толос) заседала, а, точнее, дежурила постоянная комиссия Совета пятисот,¹ управлявшая текущими делами Города; в Толосе кормились за общественный счет иностранные послы или почетные граждане, между прочим, победители Олимпийских игр... Следует внимательно прочесть весь абзац (Платон, с. 79—81), чтобы оценить, какую реакцию могли вызвать слова Сократа у присяжных; можно вообразить, какой шум поднялся; но, по-видимому, оратор был готов к нему и не обратил внимания...

Конечно, по стандартным меркам, поведение подсудимого было из ряда вон выходящим, диким; но почему человек, чья виновность состояла лишь в новизне философского мышления, должен был смирить свою гордость перед толпой случайных, жребием набранных судей? Тем более, человек, чья

¹ Совет Пятисот в полном составе собирался в здании Булевтерия (буле — совет; греч.)

жизнь в поступках была безупречна?! Впрочем, как мы говорили, нормами судебного разбирательства Сократ не манкировал, и потому напоследок назначил себе штраф в 30 мин, да и то по уговорам учеников и из их средств; его собственные сбережения составляли не больше одной мины.¹

После второго выступления участь подсудимого была ясна: Сократа присудили к смерти большинством, в 360 голосов; против — всего 141. Приговор гелиэи был окончательным и обжалованию не подлежал даже в Народном собрании.

По «Апологии» Платона, прозвучало еще последнее слово приговоренного. Некоторые из комментаторов сомневаются в его подлинности — не литературное ли добавление? Согласно процессуальным правилам, насколько они известны, после вынесения приговора заседание кончалось; однако косвенно о том, что еще что-то говорилось Сократом, можно вывести из «Апологии» Ксенофонта (с. 97). Возможно, это происходило в кругу сбежавшихся к нему друзей, тогда как гелиасты и насытившиеся зрелищем зеваки вставали с мест и разбредались; не будем гадать...

Приговоренного передали под надзор «Коллегии одиннадцати» (тоже избиравшейся по жребию), коллегия ведала тюрьмой и узниками, — и для философа настала пора ожидания смерти, длившаяся целый месяц, до возвращения праздничного корабля с Делоса.

Ожидание неизбежной и точно обозначенной смерти — наверное, самое тяжкое испытание: мучает

¹ Перевести на нынешний курс почти невозможно, ну, может, тысяч 100—150 (?).

воображение, картины предстоящего, подсчет оставшихся дней; не думать — немисливо, думать — страшно. Страх и потрясение испытывали ученики; ближайший из них, Платон, заболел; Сократ был спокоен: *счастлив человек, чьи высокие убеждения управляют его чувствами!* Тем, кто навещал заключенного в тюрьме, он казался довольным и умиротворенным. За три дня до конца к нему пришел Критон, давнишний почитатель и друг. Критон предложил уйти в добровольное изгнание, даже подготовил место, где Сократа примут, дадут приют — Фессалию, дружественную Афинам, цветущую, плодородную страну. Сократ отказался. Доводы? — такого же двойного рода, как на суде: исходящие от мировоззрения и от принятых в Городе законов. Грех считать злом то, что тебе неведомо — смерть; недостойно гражданина бежать из Города, которому он столько лет служил и словом и делом (Диалог Платона «Критон»).

На третий день после беседы с Критоном в морскую гавань Пирей вернулось праздничное судно с острова Делос, как всегда радостно приветствуемое толпой; для Сократа это означало, что час его настал. Проводить старика в дальнюю дорогу собрались немногие из друзей (быть может, небезопасно было приходиться к осужденному за нечестие). Последняя беседа — о душе; странная беседа, когда остающиеся жить утешали Сократа тем, что душа бессмертна, а обреченный спокойно говорил лишь о НАДЕЖДЕ на загробную жизнь и лишь для людей достойно и праведно прошедших свой земной путь...

Вечернее солнце поднялось над горами, служитель принес чашу с цикутой, и Сократ выпил —

легко, словно чудесное хиосское вино. Когда тело уже начало коченеть, он вдруг сказал:

— Критон, мы должны петуха Асклепию...

Эту жертву приносили богу врачевания в благодарность за исцеление; казалось, философ соглашается с уже приводившимися строчками трагического поэта, своего старинного покойного друга:

Кто скажет нам, не смерть ли жизнь земная,
И смерти час — не жизни ли начало.

ПЛАТОН АПОЛОГИЯ СОКРАТА

*После обвинительных речей*¹

Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи-афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили.² Тем не менее, говоря без обиняков, верного они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному — тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас

¹ Все подзаголовки в диалогах представляют собой издательские добавления к тексту.

² Формально главным обвинителем был Мелет (поэт-трагик); сообвинители — Анит и Ликон (оратор); фактически, инициатором возбуждения дела был Анит, человек влиятельный, богатый, к тому же один из лидеров демократической партии (см. Предисловие).

ПОСЛЕСЛОВИЕ СУД ПОТОМКОВ

Заметки на календаре эпох

Посмертная реабилитация Сократа произошла не так уж скоро, и конечно, носила не юридический, а общественный характер. Ученики Сократа разбрелись в разные концы небольшого (по нашим меркам) греческого мира, основали собственные философские школы: Эвклид — в Мегаре, Федон — в Элиде, Аристипп — в Кирене; Антисфен жил в порту Пирей. По достоверным сведениям, Платон после казни учителя долго путешествовал, потом вернулся в родной полис, и в 387 году основал Академию... Особенно прославились Аристипп — родоначальник гедонизма, философии наслаждения (и телесного, и духовно-возвышенного), и Антисфен — от него берет начало противоположное направление, киническое, смысл которого в максимальном ограничении своих потребностей и желаний. Имена последователя первой философской ветви Эпикура и второй — Диогена Синопского, того, что «жил в бочке»,

известны всем... Разумеется, основным философским движением стал объективный идеализм Платона, а потом учение Аристотеля. К теме «реабилитация Сократа» названные события имеют прямое отношение: все ученики так или иначе стремились восстановить справедливость, доказать невиновность Сократа, неправедность его обвинителей и недругов. Особенно много в этом отношении сделали Платон и Ксенофонт, чьи защитительные сочинения уже знакомы читателю.

«Нет пророка в своем отечестве» — эта вечная истина подтвердилась и в нашем вечном сюжете. Признание, распространение и даже канонизация идей Сократа и их автора начались не на земле Аттики, а в других государствах и краях Греции, где при жизни Сократа никогда не видели (впрочем, он вообще был «домоседом» и путешествовать не любил). Впоследствии, спустя столетия, пылкие почитатели — из лучших намерений — создали множество изящных сказок о раскаянии и покаянии афинян (Диоген Лаэртский, с. 232). По другим версиям-мифам троица обвинителей была казнена разгневанным народом без суда и следствия (Диодор Сицилийский); Плутарх в присущей ему тончайшей и занимательнейшей литературной манере повествует, как опамятовившиеся граждане возненавидели Анита с присными, не давали им огня, отказывались мыться с ними в одной воде, т. е. в общей бане и плавать в том же бассейне, так что злодеям ничего не оставалось, как удавиться... (Плутарх «О зависти и ненависти», гл. 6). Исторический анализ говорит о другом; например, очевидно, что Ксенофонт совершенно иначе писал «Воспоминания», если бы массовое мнение в Афинах в отношении Сократа «перестроилось»; не преминул бы, ко-

нечно, поведать об этом и Платон в одном из «сократических» диалогов. Есть сведения (речь Лисия XXII, b), что в 387 году Анит был жив (и здоров?) и занимал немаловажную должность хлебного пристава; однако самым убедительным доводом, что Сократ еще долго представлял для среднего афинянина фигурой одиозного нарушителя законов, является речь знаменитого оратора Эхина (345 год, через 50 с лишком лет), где он, походя, замечает: «Афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он воспитал Крития, одного из Тридцати, низвергнувших демократический строй» (I, 173). Опытный ритор никогда бы не поплыл против народного мнения...

Возвращение Сократа в родной город «богоравным» мудрецом состоялось после потери Афинами независимости в 338 году, и наверняка, не в один день чудо свершилось, а когда до «масс» дошла та простая истина, что теперь — в политическом и моральном унижении — им остается ухватиться только за свое великое прошлое, наполненное тенями знаменитых мужей. К этим мужам причислили, конечно, и «софиста» Сократа, которому поднесли чашу с ядом их отцы и деды... Вполне возможно, что тогда повсеместно прославленному уже мыслителю и был воздвигнут памятник, о котором сообщает Диоген Лаэртский.

В бесконечно долгий эллинистический период¹ Сократа ждала счастливая судьба; он был одним из немногих, кто не подвергся отрицанию и, тем бо-

¹ Границы его условны, одни включают его 30 годом н. э., а последующую эпоху именуют «второй» и далее «поздней софистикой», а в общем, концом эллинизма можно считать закрытие платоновской Академии императором Юстинианом в 529 г. н. э.

лее, новому, посмертному суду. Причин тому несколько; ну, ставшая с дистанции времени столь зримой несправедливость казни; еще то, что его учение пришло к потомкам через высоко чтимых Платона и Ксенофонта, пришло как бы в своих избранных, лучших страницах; а самое важное то, что его учение не было системой, «растущей» из одного корня-идеи. Его учение — это высокие заповеди, его учение — это высокоморальная жизнь и смерть. Именно поэтому его любили и постоянно ссылались на него столь разные люди, как Аристотель, Эпиктет, Цицерон,¹ Сенека или Плотин... Каждый, разумеется, стремился подкрепить свою философию цитатами из Сократа, трактую их на свой лад.

Оглядываясь нами чуть ли не 900-летний период в его второй половине характеризуется, прежде всего, соперничеством, взаимопроникновением и противоборством античного и христианского мирозерцаний и мировидений. В этом историческом «сражении» двух религиозных концепций участвовали — не по своей воле — Христос и Сократ, иногда их противопоставляли, чаще сопоставляли, ибо истине в их земной юдоли немало сходного. Многие из отцов новой веры, постепенно бравшей верх,²

¹ Для примера — пафос Цицерона: «О, Сократ и последователи Сократа! Нет пределов моей благодарности вам» (письмо Титу Помпонию Аттику 17 апреля 44 года). Причина благодарности та, что Сократ и сократики своими мыслями и учением помогали Цицерону стойко переносить обрушившиеся на него жизненные невзгоды.

² В 313 году по Р. Х. император Константин I признал христианство равноправной религией; немало лет обе религии сосуществовали, иногда мирно, иногда резко конфликтно...

относились к Сократу с пиететом, сознавая, что его заповеди не противоречат христианским; можно сослаться, например, на сочинение Блаженного Августина «О граде Божиим»; хотя, конечно, язычника можно было уважать лишь в некоем историческом плане, но не в церковном.

...Перелистнем наш календарь эпох: европейское Возрождение, начавшееся и быстрее шедшее в архитектуре, живописи и скульптуре, вскоре коснулось и литературы, сначала сочинений римских авторов — Овидия, Цицерона, Сенеки; через них начали воскрешаться и греческие классики. В 1459 году во Флоренции вновь открывается платоновская Академия, в 1482 Марсилино Фиччино заново переводит Платона на латинский язык — и тут, разумеется, Сократ, его жизнь и учение не могли не войти в «программу» обсуждений и обучений.

Эразм Роттердамский (1469—1536) ставит Сократа почти в один ряд с христианскими святыми мучениками; особенно близки ему идеи самопознания, самоусовершенствования и мудрой веры в высший смысл того, что суждено испытать человеку. Один из участников диалога «Благочестивое застолье», Нефалий, говорит: «Поразительно! Ведь он не знал ни Христа, ни Святого Писания! Когда я читаю что-либо подобное о таких людях, то с трудом удерживаюсь, чтобы не воскликнуть: „Святой Сократ, моли Бога о нас!“»¹

Не менее значимая веха — это отношение к Сократу великого французского моралиста Мишеля Монтеня (1533—1592). В его «Опытах» («Les Essais»), давших начало всей мировой эссеистике, имя афин-

¹ «Разговоры запросто». М., 1969. С. 101.

ского философа встречается, вероятно, чаще всех остальных. Обе последние главы «Опытов», несомненно, писались на том же столе, на котором лежала «Апология» Платона; в чтении сократовских мыслей Монтень черпал силы в предчувствии надвигающейся неизлечимой болезни, когда его одолевали страх и боль небытия; из нее он целиком выписал в свою книгу речь Сократа после вынесения смертного приговора. Для Монтеня, как, вероятно, для многих, Сократ становится опорой и поводырем на той пограничной линии, что отделяет царство живых от иного, неведомого...

Перелистнем еще несколько страничек-столетий: начало немецкой классической философии — Иммануил Кант. Для него Сократ в вопросах морали — авторитет высочайший. Однако сократовский демоний смущает Канта иррациональностью, загадочностью, трудноуловимостью; вера в знамения и озарения не в духе кёнигсбергского мыслителя,¹ мучительно (что и сам прекрасно замечал) искавшего истину на путях логики, науки и рассудка.

Отметим великого софиста нового времени Гегеля, который в одном из своих сочинений учинил заново суд над Сократом² и вынес ему повторный смертный приговор, отделив от Сократа-человека его учение: дескать, автор виновен, но его учение бессмертно! Точно также не станем задерживаться у философской «зоны» Фридриха Ницше, его напоенные ядом стрелы против Сократа соответствовали его кон-

¹ См., например: «Антропологическая дидактика». Ч. I, 10.

² Гегель Г. В. Ф. «Лекции по истории философии». Кн. 2, СПб., 1994.

цепции сильной личности; по-нашему мнению, сила самого Ницше — в художественно-культурологических наблюдениях, а не в его доктрине, столь притягательной для обозленных мелетов и ликонов. Два слова — о другом кумире, уже века нашего, об Освальде Шпенглере. Приходится сожалеть, что из литературно-философского обихода выпала (или осталась в тени) статья Томаса Манна «Об учении Шпенглера», в ней дан исчерпывающий анализ теории непроницаемо-герметичных цивилизаций. Диагноз писателя и мыслителя достаточно строг: сочинение Шпенглера не более чем гиллерторское теоретизирование, пропитанное холодным снобизмом. Можно добавить, что для невежественного и замкнутого в себе индивида герметичны и непроницаемы не только другие цивилизации, другие времена и нравы, но и взгляды любого другого человека, чьи убеждения не согласны с его собственными. Универсальность, вневременность философского учения Сократа, его личности и судьбы, несомненно, подтверждают существование некой сквозной темы, связи между всеми человеческими сообществами и мирами.

Сократ в России. Античность вошла в русскую жизнь и культуру, как понятно, после петровских реформ, когда был снят запрет с «еллинских борзостей». Рубежом, от которого начался брак по любви между Древней Грецией и Новой Россией можно считать день выпуска книги под названием, выведенным красивой колонкой:

КСЕНОФОНТА

о достопамятных делах и разговорах
Сократовых четыре книги и

Оправдание Сократово
пред судиями,
переведенное с греческого языка
Надворным советником
Григорием Полетикою
В Санктпетербурге
при Императорской Академии
Наук, 1762

На титуле торжественно значится: «Ея Императорскому величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой государыне Екатерине Алексеевне императрице». Книга Полетики знакомила просвещенных русских людей сразу с Ксенофонтом, Сократом, вводила в круг философских проблем, быта и бытия греков, чему служило и изящное предисловие автора перевода.

Само собой, не обошел вниманием Сократа и крупнейший просветитель Н. И. Новиков; его, как тогда выражались, иждивением издана «Похвала Сократу, произнесенная в обществе человеколюбцев», 1783 год. Упомянем еще забавнейшее и занятнейшее сочинение «Разговор Сократа с Пифагором о должностях человека», СПб., 1790.

Весь русский XIX век прошел в поисках лучших форм внедрения и усвоения классического образования и одновременно — в борьбе за его отмену (демократы — сокрушители). Все же именно на последние десятилетия пришелся самый высокий взлет познания античности, что связано, в первую очередь, с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. От него началось движение русской философской мыс-

ли XX века, сам же он всей своей жизнью и трудами соединен с античностью, Платоном и потому Сократом.¹

Конспективный обзор посмертной судьбы афинского мыслителя показывает, что Сократу-человеку потомки выносили, в основном, вердикт оправдательный; возвели в сан мудреца, апостола Эллады; иначе обстоит дело с тем, что Сократ считал самым дорогим — с его учением. Можно утверждать, что столбовая дорога общественного развития все больше и больше отклоняется от сократовских идей (самопознание — самоограничение; исследование цели — научение добру; разумение как сдерживающая сила темных инстинктов). Развитие цивилизации идет совсем в другую сторону, а именно путем непрерывного *расширения границ дозволенного*: сексуальная революция, постепенное узаконение наркотиков, телеэкранная разнузданность, кумиромания... Достопримечательным явлением стало то, что принято именовать трансгрессией, т. е. возможностью

¹ Особой главой темы «Сократ в России» могло бы стать отношение к Сократу Л. Толстого и Ф. Достоевского, великих антиподов во всем. Приведем только их высказывания о главном в учении Сократа — о сознании (и сознательных решениях): «Сознание — болезнь. Не от сознания болезни (это ясно, как аксиома), но само сознание — болезнь» (Достоевский «Записная тетрадь», 1864—1865). «Вера всегда нетверда. Можно разувериться или поверить в другое. Твердо только сознание» (Толстой «Записная книжка», 1910 год). В известной степени оба писателя точно определяют две ипостаси России и два коренных типа русского человека; хотя конечно, в душе многих оба начала, — идущее от Достоевского и толстовское — сложно сочетаются и противоборствуют.

(потребностью? необходимостью?) преступить общепринятые нормы. В давние времена это прощалось (в какой-то мере) иным из прославленных творцов — живописцам, поэтам, властителям-реформаторам; для них трансгрессия служила допингом и искупалась предельным напряжением, огромной отдачей; нынче то же самое разрешают себе весьма обильные группы людей, для которых это лишь форма самоутверждения. Спешка, суетность, смена пристрастий и мод, «захлеб», ослабление иммунной защищенности от зла — опасные признаки развивающейся болезни общественного организма, в том числе, и не в последнюю голову российского. Так что невольно хочется вспомнить необычайно популярное в позднеантичный период речение-предупреждение:

Куда вас несет, человеки?..

Псевдо-Платон
«Критофонг» 407а.